4
П-71
библиотека

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

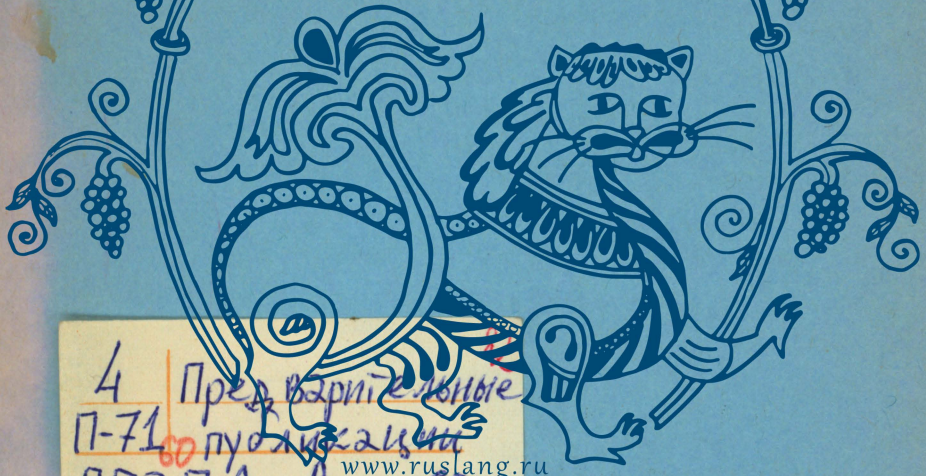
Выпуск 60

Ю. М. ЛОТМАН

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Москва — 1974

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

4 Предварительные
П-71 60 публикации
ПГЭПЛ. Вып. 60
(Любляна). М, 1974.
68690
17/IV 75 г
13/

68690

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 60

Ю.М.Лотман

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Москва - 1974

4
П-71 60
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
68690

Покажи мне камень, который
строители отбросили! Он – краеугольный камень.
Из рукописей Наг-Хаммади [1]

1.0. Обобщение опыта развития принципов семиотической теории за все время, протекшее после того, как исходные предпосылки ее были сформулированы Фердинандом де Соссюром, приводит к парадоксальному выводу: пересмотр основных принципов решительным образом подтверждал их стабильность, в то время как стремление к стабилизации семиотической методологии фатально приводило к пересмотру самых основных принципов. Работы Р.О.Якобсона и, в частности, его доклад, подводящий итоги IX Конгресса лингвистов, блистательно показали, как современная лингвистическая теория остается собой, даже переходя в свою собственную противоположность. Более того, именно в этом сочетании гомостатичности и динамизма Р.О.Якобсон справедливо увидал доказательство органичности и жизнеспособности теории, способной коренным образом пересматривать как свою собственную внутреннюю организацию, так и систему своих взаимоотношений с другими дисциплинами: "Пользуясь гегелевскими терминами, можно сказать, что антитезис традиционных тезисов сменился отрицанием отрицания, то есть синтезом отдаленного и недавнего прошлого" [2].

Сказанное в полной мере относится к проблеме статического и динамического в семиотических системах. Пересмотр некоторых укоренившихся в этой области представлений одновременно лишь подтверждает обоснованность глубинных принципов структурного описания семиотических систем.

1.1. В подходе к соотношению синхронического и диахронического аспектов семиотических систем с самого начала была заложена известная двойственность. Разграничение этих двух

---

[1] М.К. Трофимова. Из рукописей Наг-Хаммади. – В об.: "Античность и современность. К 80-летию Ф.А.Петровского", М., 1972, стр. 377.

[2] Р. Якобсон. Итоги девятого конгресса лингвистов. – "Новое в лингвистике", вып. IV, М., 1965, стр. 579.

аспектов описания языка было большим завоеванием женевской школы. Однако уже в "Тезисах Пражского лингвистического кружка" и в последующих работах Пражской школы было указано на опасность абсолютизации этого аспекта, на относительный, скорее эвристический, чем принципиальный характер этого противопоставления. Р.О.Якобсон писал:"Было бы серьезной ошибкой утверждать, что синхрония и статика - это синонимы. Статический срез - фикция: это лишь вспомогательный научный прием, а не специфический способ существования. Мы можем рассматривать восприятие фильма не только диахронически, но и синхронически: однако синхронический аспект фильма отнюдь не идентичен отдельному кадру, вырезанному из фильма. Восприятие движения наличествует и при синхроническом аспекте фильма. Точно так же обстоит дело с языком"[3].

В ряде исследований Пражской школы указывалось, с одной стороны, что поскольку диахрония есть э в о л ю ц и я с и с т е м ы , она не отрицает, а проясняет сущность синхронной организации для каждого отдельного момента. С другой, обращалось внимание на взаимопереходимость этих категорий[4].

И все же критика этого плана не поставила под сомнение методической ценности самого противопоставления двух исходных подходов к описанию семиотической системы.

Предлагаемые ниже соображения имеют целью дальнейшее развитие этих давно уже высказанных соображений, а также идей Ю.Н.Тынянова и М.М.Бахтина, касающихся динамизма культурно-семиотических моделей[5].

1.2. Можно предположить, что статичность, которая продолжает ощущаться в целом ряде семиотических описаний, не является результатом недостаточности усилий того или иного ученого, а проистекает из некоторых коренных особенностей методики описания. Без тщательного анализа того, почему самый факт опи-

---

[3] R. J a k o b s o n. Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, IV, 1931, S. 264-265.

[4] R. J a k o b s o n. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. TCLP, II, 1929, p. 15.

[5] "О построении динамической модели культуры", см. Stefan Żółkiewski, O badaniu dynamiki kultury literackiej, в сб. "Konteksty nauki o literaturze. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej, t. XXXIX, Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, 1973.

сания превращает динамический объект в статическую модель, и внесения соответствующих корректив в методику научного анализа стремление к динамическим моделям может остаться в области добрых пожеланий.

2.0. Системное – внесистемное. Структурное описание строится на основе выделения в описываемом объекте элементов системы и связей, остающихся инвариантными при любых гомоморфных трансформациях объекта. Именно эта инвариантная структура составляет, с точки зрения подобного описания, единственную реальность[5]. Ей противопоставляются внесистемные элементы, отличающиеся неустойчивостью, иррегулярностью и подлежащие устранению в ходе описания. О необходимости при изучении семиотического объекта абстрагироваться от некоторых "незначительных" его признаков писал еще Ф. де Соссюр, говоря о важности, в пределах описания одного синхронного состояния языка, отвлекаться от "маловажных" диахронических изменений: "Абсолютное "состояние" определяется отсутствием изменений, но поскольку язык всегда, как бы то ни было, все же преобразуется, постольку изучать язык статически – на практике значит пренебрегать маловажными изменениями, подобно тому, как математики при некоторых операциях, например, при вычислении логарифмов, пренебрегают бесконечно-малыми величинами"[6].

Такое упрощение объекта в ходе структурного его описания в принципе не может вызвать возражений, поскольку является общей чертой науки как таковой. Нужно только не забывать, что объект в процессе структурного описания не только упрощается, но и д о о р г а н и з о в ы в а е т с я, становится более жестко организованным, чем это имеет место на самом деле.

Так, например, если поставить перед собой задачу структурно описать систему русских орденов XVIII – начала XIX вв.

---

[6] Анализ понятия "структура" см.: Эмиль Б е н в е н и с т. Общая лингвистика. М., 1974, стр. 60-66.

[7] Фердинанд де С о с с ю р. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 104.

(объект этот удобен во многих отношениях, поскольку представляет собой культурологический факт, полностью семиотический по своей природе, искусственно возникший и представляющий результат сознательной системообразующей деятельности его создателей), то очевидно, что в поле зрения окажутся иерархия орденов и их сопряженные со значениями дифференциальные признаки. Представляя каждый орден в отдельности и их систему в целом как некоторую инвариантную организацию, мы, естественно, оставим вне поля зрения лишенную какой-либо ощутимой упорядоченности вариативность некоторых признаков. Так, поскольку в течение длительного времени орденские знаки и орденские звезды заказывались самим лицом, получившим высочайшее повеление возложить их на себя, то величина и степень украшенности их драгоценными камнями определялись фантазией и богатством награжденного, не имея никакого имманентно-семиотического значения.

Однако, даже если отвлечься от этих вариантов, самый факт описания орденской организации повысит степень ее системности не только тем, что снимет все неструктурное как несуществующее, но и в другом отношении: одним из основных вопросов описания будет определение иерархии орденов. Постановка такого вопроса тем более правомерна, что он практически входил в функционирование этой системы, в частности, в связи с повседневной проблемой расположения орденских знаков относительно друг друга на одежде. Известна также попытка Павла I превратить все ордена Российской империи в единый Российский кавалерский орден, в котором все прежде существовавшие ордена признавались бы лишь "именованиями" или классами.

Однако описание русских орденов как иерархической системы неизбежно снимет постоянные колебания, неопределенность иерархической ценности отдельных элементов. Между тем, сами эти колебания были и важным структурным признаком, и показательной типологической характеристикой русских орденов. Описание неизбежно будет более организованным, чем объект.

2.1. Такой подход соответствует любой научной методике и не может в принципе встретить возражений, поскольку подобное ис-

кажение объекта в результате его описания представляется закономерным. Хотелось бы обратить внимание на другой – значительно более серьезный – ряд последствий: если описание, элиминирующее из объекта все внесистемные его элементы, вполне оправдывает себя при построении статических моделей и требует лишь некоторых коэффициентов поправки, то для построения динамических моделей оно в принципе создает трудности: одним из основных источников динамизма семиотических структур является постоянное втягивание внесистемных элементов в орбиту системности и одновременное вытеснение системного в область внесистемности. Отказ от описания внесистемного, вынесение его за пределы науки отсекает динамический резерв и представляет нам данную систему в облике, принципиально исключающем игру между эволюцией и гомостазисом. Тот камень, который строители уже сложившейся и стабилизовавшейся системы отбрасывают как, с их точки зрения, излишний или необязательный, оказывается для следующей за нею системой краеугольным.

Любое сколь-либо устойчивое и ощутимое различие во внесистемном материале может на следующем этапе динамического процесса сделаться структурным. Если вернуться к приведенному нами выше примеру с произвольным украшением орденов, то следует напомнить, что с 1797 г. произвольное украшение орденских знаков драгоценными камнями было отменено и бриллиантовые украшения стали для ряда орденов узаконенным признаком высшей степени награды. При этом очевидно, что украшения бриллиантами были не потому введены, что требовалось некоторое выражение для высшей степени награды, а, наоборот, вводилось в систему и получало содержательный смысл разделение, сложившееся вне пределов системы. Постепенное накопление вне системы существующего вариативного материала в сфере плана выражения явилось толчком для создания содержательной и системной дифференциации.

2.2. Требование описывать внесистемное наталкивается на значительные трудности методического характера. С одной стороны, вне-

системное в принципе ускользает от аналитической мысли, с другой, – самый процесс описания с неизбежностью превращает его в факт системы. Таким образом, формулиру.. требование включить в область структурных описаний обволакивающий структуру внесистемный материал, мы, казалось бы, полагаем невозможное возможным. Дело, однако, предстанет перед нами в несколько ином свете, если мы вспомним, что внесистемное – отнюдь не синоним хаотического. Внесистемное – понятие, дополнительное к системному. Каждое из них получает полноту значений лишь во взаимной соотнесенности, а совсем не как изолированная данность.

2.3. В этой связи можно указать на следующие виды внесистемного:

2.3.1. Поскольку описание, как мы отмечали, влечет за собой повышение меры организованности, самоописание той или иной семиотической системы, создание грамматики самой себя является мощным средством самоорганизации системы. В такой момент исторического существования данного языка и – шире – данной культуры вообще в недрах семиотической системы выделяется некоторый подъязык (и подгруппа текстов), который рассматривается как метаязык для описания ее же самой. Так, в эпоху классицизма создаются многочисленные произведения искусства, которые являются описаниями системы произведений искусства. Существенно подчеркнуть, что в данном случае описание есть самоописание, метаязык заимствуется не извне системы, а представляет ее подкласс.

Существенной стороной такого процесса самоорганизации является то, что в ходе дополнительной упорядоченности определенная часть материала переводится на положение внесистемности и как бы перестает существовать при взгляде сквозь призму данного самоописания. Таким образом, повышение степени организованности семиотической системы сопровождается ее сужением, вплоть до предельного случая, когда метасистема становится настолько жесткой, что почти перестает пересекаться с реальными семиотическими системами, на описание которых она претендует. Однако и в этих случаях авторитет "правильности" и "ре-

ального существования" остается за ней, а реальные слои социального семиозиса в этих условиях полностью переходят в область "неправильного" и "несуществующего".

Так, например, с точки зрения военно-бюрократической утопии Павла I единственно существующей оказывалась доведенная в своей жестокости до предела упорядоченность вахтпарада. Она же воспринималась в качестве идеала государственного порядка. Политическая же реальность русской жизни воспринималась как "неправильная".

2.3.2. Признак "несуществования" (т.е. внесистемности) оказывается, таким образом, одновременно признаком и внесистемного материала (с внутренней точки зрения системы) и негативным показателем структурных признаков самой системы. Так, Грибоедов, подводя политические итоги декабризма в набросках трагедии "Родамист и Зенобия", выделяет в качестве структурного признака дворянской революционности (ибо, конечно, Грибоедова интересует деятельность русских заговорщиков 1820-х гг., а не история древней Армении периода римской оккупации) то, что народ, с этой точки зрения, "не существует" как политическая сила: "Вообще, пишет Грибоедов, – надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле, – он будто не существует"[7]. Говоря о капеллане Андрее, авторе известного средневекового трактата о куртуазной любви "De amore" , акад. В.Ф.Шишмарев замечал: "В отношении крестьянок куртуазный автор предлагает своему другу, которому адресована книга, не стесняться образом действия, прибегая даже к насилию"[8]. Такая рекомендация объясняется очень просто: по мнению капеллана Андрея, крестьянину доступна лишь "amor naturalis" и в пределах куртуазной любви – "fin'amors" – он "будто не существует". Следовательно, действия в отношении людей этого типа также считаются несуществующими.

---

[8] А.С.Грибоедов. Соч., М., 1956, стр. 340 курсивом – Ю.Л.

[9] В.Ф. Шишмарев. К истории любовных теорий романского средневековья. – В кн.: Избранные статьи. Французская литература, М.-Л., 1965, стр. 217; см. M. Lazar. Amour courtois et fin'amors dans la littérature du XII-e siècle, P., 1964, pp. 268-278 , там же, стр. 288- др. литература о капеллане Андрее.

Очевидно, что описание системного ("существующего") одновременно будет и указанием на природу внесистемного ("несуществующего"). Можно было бы говорить о специфической иерархии внесистемных элементов и их отношений и о "системе внесистемного". С этой позиции, мир внесистемного представляется как перевернутая система, ее симметричная трансформация.

2.3.3. Внесистемное может быть иносистемным, то есть принадлежать другой системе. В сфере культуры мы постоянно сталкиваемся с тенденцией считать чужой язык не-языком или в менее полярных случаях воспринимать свой язык как правильный, а чужой как неправильный и разницу между ними объяснять степенью "правильности", то есть мерой упорядоченности. Пример восприятия говорения на чужом языке как на испорченном ("неправильном") своем приводит Л.Толстой в "Войне и мире": "Вот так по-французски, - говорили солдаты в цепи. - Ну-ка, ты, Сидоров!"

Сидоров подмигнул и, обращаясь к французам, начал часто, часто лепетать непонятные слова:

- Кари, мала, тафа, сафи, мутер, каск'а, - лопотал он..."[9].

Примеры восприятия чужого языка как не-языка - немоты - многочисленны. Ср.:"ибра же людие есть языкъ немъ"[10], а также этимологию слова "немец". Одновременно возможно и обращенное восприятие своей системы как "неправильной":

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю
(Пушкин, "Евгений Онегин",
гл. III, строфа XXVIII).

Ср. также приравнивание своего языка к немоте: Юрий Крижанич, жалуясь на неразвитость славянского языка, писал в "Политике": "Вследствие вышеуказанной красоты, и вели-

---

[10] Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 14 тт. Т. IV. М., 1951, стр. 217.

[11] Полное собр. русск. летописей. Т. 1, М., 1962, стб. 235.

чия, и богатства иных языков и вследствие недостатков нашей речи мы, славяне, рядом с иными народами – словно немой на пиру"[11].

2.3.4. В этом случае, поскольку и описываемый объект, и внесистемное его окружение рассматриваются как хотя и далеко отстоящие, но структурные явления, для описания их необходим такой метаязык, который был бы настолько удален от них, чтобы с его позиции они выступали как однородные.

С этой позиции обнаруживается невозможность пользования в качестве исследовательского метаязыка аппаратом самоописания, разработанным, например, культурами классицизма или романтизма. С точки зрения самой культуры классицизма, самоописания типа "Поэтического искусства" Буало или "Наставления хотящим быть писателями" Сумарокова являются текстом метауровня, выполняющим по отношению к эмпирической культуре своей эпохе роль: 1) повышения меры ее организации, с одной стороны, и 2) отсечения пластов текстов, переводимых в разряд внесистемных, – с другой. С точки же зрения современного исследователя эпохи, тексты эти будут относиться к объекту описания и располагаться на том же уровне, на котором расположены и все прочие тексты культуры изучаемого времени. Перенесение языка, выработанного эпохой для самоописания, на уровень метаязыка исследователя неизбежно повлечет исключение из его поля зрения того, что современники данной эпохи из соображений полемики исключали из ее состава.

2.3.5. Следует иметь в виду и другое: создание определенной системы самоописания "доорганизовывает" и одновременно упрощает (отсекает "излишнее") не только в синхронном, но и в диахронном состоянии объекта, то есть создает его историю с точки зрения его модели самого себя.

---

[12] Юрий К р и ж а н и ч. Политика. М., 1965, стр. 467. В оригинале: "Bůdto człowek nječm ná piru" (там же, стр. 114).

Складывание новой культурной ситуации и новой системы самоописаний переорганизовывает предшествующие ее состояния, то есть создает новую концепцию истории. Это вызывает двоякие последствия: с одной стороны, открываются забытые предшественники, культурные деятели, и историки более раннего периода обвиняются в слепоте. Предшествующие данной системе факты, описанные в ее терминах, естественно, могут привести только к ней и лишь в ней обрести единство и определенность. Так возникают понятия типа "предромантизм", когда в культурных фактах эпохи, предшествующей романтизму, выделяется лишь то, что ведет к романтизму и увенчивается единством только в его структуре. Характерной чертой такого подхода будет то, что историческое движение предстанет не как смена структурных состояний, а в виде перехода от аморфного, но заключающего в себе "элементы структуры", состояния к структурности.

С другой стороны, следствием такого подхода будет утверждение, что история вообще начинается с момента возникновения данного самоописания данной культуры. В России, при исключительно быстрой смене литературных школ и вкусов на протяжении конца XVIII - начала XIX вв. мы столкнемся с многократно с разных позиций выдвигаемым тезисом: "У нас нет литературы". Так, в начале своего творческого пути в стихотворении "Поэзия" Карамзин, полностью игнорируя историю предшествующей ему русской литературы, предсказал скорое появление русской поэзии. В 1801 г. на заседании "Дружеского литературного общества" Андрей Тургенев, теперь уже имея в виду Карамзина, заявит об отсутствии литературы в России. Затем с этим же тезисом, вкладывая в него каждый раз новое содержание, будут выступать Кюхельбекер, Полевой, Надеждин, Пушкин, Белинский.

Таким образом, изучение культуры того или иного исторического этапа включает в себя не только описание ее структуры с позиции историка, но и перевод на язык этого

описания ее собственного самоописания и созданного ею описания того исторического развития, итогом которого она сама себя считала.

3.0. Однозначное – амбивалентное. Отношение бинарности представляет собой один из основных организующих механизмов любой структуры. Вместе с тем, неоднократно приходится сталкиваться с наличием между структурными полюсами бинарной оппозиции некоторой широкой полосы структурной нейтрализации. Скапливающиеся здесь структурные элементы находятся в отношении к окружающему их конструктивному контексту не в однозначных, а амбивалентных отношениях. Жесткие синхронные описания, как правило, снимают создаваемую таким образом внутреннюю неполную упорядоченность системы, придающую ей гибкость и увеличивающую степень непредсказуемости ее поведения. Поэтому внутренняя информативность (неисчерпаемость скрытых возможностей) объекта значительно выше, чем тот же показатель его описания.

Примером такой переупорядоченности может являться хорошо известный текстологам случай, когда поэт, создавая произведение, в некоторых случаях не может отдать предпочтения тому или иному варианту, сохраняя все как в о з м о ж н о с т ь. В этом случае текстом произведения будет именно такой, сохраняющий вариативность, художественный мир. Тот же "окончательный" текст, который мы видим на странице издания, представляет собой описание более сложного текста произведения средствами упрощающего механизма типографской печати. В ходе такого описания возрастает упорядоченность текста и понижается его информативность. В этой связи представляют интерес многообразные случаи, когда текст в принципе не заключает в себе однозначной последовательности элементов, оставляя читателю свободу выбора. В этом случае автор как бы перемещает читателя (а также определенную часть собственного текста) на более высокий уровень. С высоты такой метапозиции раскрывается мера условности остального текста, то есть он предстает именно как текст, а не в качестве иллюзии реальности.

Так, например, когда в стихотворении Козьмы Пруткова "Мой портрет" к стихам:

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг

следует примечание того же Козьмы Пруткова: "Вариант: На коем фрак , то очевидно, что вводится некоторый (в данном случае пародийный) филологический "уровень публикатора", имитирующий некоторую надтекстовую точку зрения, с которой варианты выступают как равноценные.

Еще более сложен случай, когда альтернативные варианты включены в единый текст. У Пушкина в "Евгении Онегине":

... Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок
(гл. IУ, строфа LI).

Здесь включение в текст стилистической альтернативы превращает повествование о событиях в повествование о повествовании. В стихотворении Мандельштама "Я пью за военные астры..."

Я пью - но еще не придумал,
Из двух выбираю одно -
Веселое Асти спуманте
Иль папского замка вино, -

даются два сюжетных варианта, причем читатель предупрежден, что автор "еще не придумал", чем кончить свое стихотворение. Незаконченность и неопределенность удостоверяют читателя, что перед ним не реальность, а именно текст, который можно "придумать" несколькими способами.

То, что таким образом в тексте высвечивается процессуальность, момент становления, делается очевидно при столкновении с кинотекстами современного кинематографа, весьма широко пользующегося возможностью давать параллельные версии какого-либо эпизода, не отдавая ни одному из них никакого предпочтения.

Следует обратить внимание еще на один аспект – реальному тексту неизбежно присуща некоторая неправильность. Речь идет не о неправильности, порожденной замыслом или установкой говорящего, а о простых его ошибках. Так, например, хотя Пушкин сделал внутреннюю противоречивость текста структурным принципом "Евгения Онегина"[12], в романе встречаются случаи, когда поэт просто "не сводит концов с концами". Так, в строфе XXXI третьей главы он утверждает, что письмо Татьяны хранится в архиве автора:

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято сберегу.

Но в строфе XX осьмой главы есть прямое указание на то, что это письмо хранится у Онегина:

Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит...

В романе Булгакова "Мастер и Маргарита" герои умирают дважды (обе смерти совершаются одновременно) – один раз вместе в подвальной комнате, "в переулке близ Арбата", и другой – порознь: он в больнице, она в "готическом особняке". Такое "противоречие", очевидно, входит в замысел автора. Однако, когда далее нам сообщается, что Маргарита и ее домработница Наташа "исчезли, оставив свои вещи", и что следствие пыталось выяснить, имело ли место похищение или бегство, – перед нами авторский недосмотр.

Однако и эти явные технические недосмотры не могут, на самом деле, полностью исключаться из поля зрения. Примеры воздействия их на структурную организацию различных текстов можно было бы приводить в большом количестве (ср., например, рассуждение о смыслообразующей роли опечаток в предисловии Гофмана к "Житейским размышлениям Кота Мура"). Ограничимся лишь одним: при рассмотрении рукописей Пушкина мы убеждаемся, что в определенных случаях встречаются следы

---

[13] Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу... (I глава, строфа LX).

воздействия на дальнейший ход стихотворения явных описок, которые, однако, подсказывают следующую рифму и влияют на развитие повествования. Так, анализируя черновик стихотворения "Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла...", С.М.Бонди в одной только рукописи обнаружил два таких случая:

1) "В слове "легла" Пушкиным буква "е" написана без петельки, так что начертание это случайно совпало с начертанием слова "мгла". Не эта ли случайная описка пера и навела поэта на вариант "идет ночная мгла"?"[13].

Так стих:

Все тихо – на Кавказ ночная тень легла

благодаря технической погрешности в графике, трансформировался в

Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла.

2) "Слово "нет" так написано Пушкиным, что могло сойти и за "лет"; так что, меняя "многих нет" на "много лет", Пушкин (как и в начале стихотворения "легла" – "мгла") слово "нет" не переправлял"[14].

Приведенные примеры свидетельствуют, что механические искажения, в определенных случаях, могут выступать как резерв резерва (резерв внесистемного окружения текста).

3.1. Амбивалентность как определенный культурно-семиотический феномен была впервые оценена в работах М.М.Бахтина. Там же можно найти и многочисленные примеры этого явления. Не касаясь всех аспектов этого многозначного явления, отметим лишь, что рост внутренней амбивалентности соответствует моменту перехода системы в динамическое состояние, в ходе которого неопределенность структурно перераспределяется и получает, уже в рамках новой организации, новый однозначный смысл. Таким образом, повышение внутренней однозначности можно рассматривать как усиление гомостатических тенденций,

---

[14] С.Б о н д и. Новые страницы Пушкина. М., 1931, стр. 19.

[15] Там же, стр. 23.

а рост амбивалентности – как показатель приближения момента динамического скачка.

3.2. Таким образом, одна и та же система может находиться в состоянии окостенения и размягченности. При этом самый факт описания может переводить ее из второго в первое.

3.3. Состояние амбивалентности возможно как отношение текста к системе, в настоящее время не действующей, но сохраняющейся в памяти культуры (узаконенное в определенных условиях нарушение нормы), а также как отношение текста к двум взаимно несвязанным системам, если в свете одной текст выступает как разрешенный, а другой – как запрещенный.

Такое состояние возможно, поскольку в памяти культуры (а также любого культурного коллектива, включая отдельного индивида) хранится не одна, а целый набор метасистем, регулирующих его поведение. Системы эти могут быть взаимно не связаны и обладать различной степенью актуальности. Это позволяет, меняя место той или иной системы на шкале актуализованности и обязательности, переводить текст из неправильного в правильный, запрещенного в разрешенный. Однако смысл амбивалентности как динамического механизма культуры именно в том, что память о той системе, в свете которой текст был запрещен, не исчезает, сохраняясь на периферии системных регуляторов.

Таким образом возможны, с одной стороны, передвижения и перестановки на метауровнях, меняющие осмысление текста, а, с другой, – перемещение самого текста относительно метасистем.

4.0. Ядро – периферия. Пространство структуры организовано неравномерно. Оно всегда включает в себя некоторые ядерные образования и структурную периферию. Особенно очевидно это в сложных и сверхсложных языках, гетерогенных по своей природе и неизбежно включающих относительно самостоятельные – структурно и функционально – подсистемы. Соотношение структурного ядра и периферии усложняется тем, что каждая достаточно сложная и исторически протяженная стру-

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ктура (язык) функционирует к а к о п и с а н н а я. Это могут быть описания с позиции внешнего наблюдателя или самоописания. Однако, в любом случае, можно сказать, что язык становится социальной реальностью с момента его описания. Однако описание неизбежно есть деформация (именно поэтому всякое описание – не просто фиксация, а культурно творческий акт, ступень в развитии языка). Не освещая всех аспектов такой деформации, отметим, что она неизбежно влечет за собой отрицание периферии, перевод ее в ранг несуществования. Одновременно очевидно, что однозначность/амбивалентность распределяются в семиотическом пространстве неравномерно: степень жесткости организации ослабляется от центра к периферии, что естественно, если вспомнить, что центр всегда выступает как естественный объект описания.

4.1. В работах Ю.Н.Тынянова показан механизм взаимоперемещения структурного ядра и периферии. Более гибкий механизм последней оказывается удобным для накапливания структурных форм, которые на следующем историческом этапе окажутся доминирующими и переместятся в центр системы. Постоянная смена ядра и периферии образует один из механизмов структурной динамики.

4.2. Поскольку в каждой культурной системе соотношение ядро/периферия получает дополнительную ценностную характеристику как соотношение верх/низ, то динамическое состояние системы семиотического типа, как правило, сопровождается меной верха и низа, ценного и лишенного ценности, существующего и как бы несуществующего, описываемого и не подлежащего описанию.

5.0. Описанное – неописанное. Мы отмечали, что самый факт описания повышает степень организованности и понижает динамизм системы. Из этого следует, что потребность описания возникает в определенные моменты имманентного развития языка. Пользование определенной семиотической системой большой сложности можно представить себе как маятникообразный процесс качания между говорением на одном языке и общением с

помощью различных языков, лишь частично пересекающихся и обеспечивающих лишь известную, порой весьма незначительную, степень понимания. Функционирование знаковой системы большой сложности подразумевает совсем не 100%-ое понимание, а напряжение между пониманием и непониманием, причем перенос акцента на ту или иную сторону оппозиции будет соответствовать определенному моменту в динамическом состоянии системы.

5.1. Социальные функции знаковых систем могут быть разделены на примарные и вторичные. Примарная подразумевает сообщение некоторого факта, вторичная – сообщение мнения другого об известном "мне" факте. В первом случае участники коммуникативного акта заинтересованы в аутентичности информации. "Другой" здесь – это "я", который знает то, что "мне" еще неизвестно. После получения сообщения "мы" полностью уравниваемся. Общий интерес отправителя и получателя информации заключается в том, чтобы трудности понимания были сведены к минимуму, следовательно, к тому, чтобы отправитель и получатель имели общий взгляд на сообщение, то есть пользовались единым кодом.

В более сложных коммуникативных ситуациях "я" заинтересован в том, чтобы контрагент был именно "другим", поскольку неполнота информации может полезно восполняться лишь стереоскопичностью точек зрения сообщения. В этом случае полезным свойством оказывается не легкость, а трудность взаимопонимания, поскольку именно она связывается с наличием в сообщении "чужой" позиции. В этом случае акт коммуникации уподобляется не простой передаче константного сообщения, а переводу, влекущему за собой преодоление некоторых – иногда весьма значительных – трудностей, определенные потери и, одновременно, обогащение "меня" текстами, несущими чужую точку зрения. В результате "я" получаю возможность стать для себя также "другим".

5.1.1. Коммуникация между неидентичными отправителем и получателем информации означает, что "личности" участников коммуникативного акта могут быть истолкованы к набо-

ры неадекватных, но обладающих определенными чертами общности, кодов. Область пересечения наборов кодов обеспечивает некоторый необходимый уровень низшего понимания. Сфера непересечения вызывает потребность установления эквивалентностей между различными элементами и создает базу для перевода.

5.1.2. История культуры обнаруживает постоянно действующую тенденцию к индивидуализации знаковых систем (чем сложнее, тем индивидуальнее). Сфера непересечения кодов в каждом "личностном" наборе постоянно усложняется и обогащается, что одновременно делает сообщение, идущее от каждого субъекта, и более социально ценным и труднее понимаемым.

5.2. Когда усложнение частных (индивидуальных и групповых) языков переходит некоторую границу структурного равновесия, возникает потребность во введении вторичной, общей для всех, кодирующей системы. Такой процесс вторичной унификации социального семиозиса неизбежно влечет за собой упрощение и примитивизацию системы, но, одновременно, актуализирует ее единство, создавая основу для нового периода усложнений. Так, созданию единой национальной языковой нормы предшествует развитие пестрых и разнообразных средств языкового выражения, а эпоха барокко сменяется классицизмом.

5.3. Необходимость стабилизации, выделения в пестром и динамическом языковом состоянии элементов статики и гомостатического тождества системы самой себе удовлетворяется метаописаниями, которые в дальнейшем из метаязыковой сферы переносятся в языковую, становясь нормой реального говорения и основой для дальнейшей индивидуализации. Качание между динамическим состоянием языковой неописанности и статикой самоописаний и вовлекаемых в язык описаний его с внешней позиции составляет один из механизмов семиотической эволюции.

6.0. Необходимое – излишнее. Вопрос структурного описания тес-

но связан с разделением необходимого, работающего, того, без чего система в синхронном ее состоянии не могла бы существовать, от элементов и связей, которые с позиций статики представляются излишними. Если посмотреть иерархию языков от простейших, типа уличной сигнализации, до наиболее сложных, таких как языки искусства, то бросится в глаза рост избыточности. Многочисленные языковые механизмы будут работать на увеличение эквивалентностей и взаимозаменяемостей на всех уровнях структуры (конечно, одновременно создаются и дополнительные механизмы, работающие в противоположном направлении). Однако, то, что представляется с синхронной точки зрения избыточным, получает иной вид с позиций динамики, составляя структурный резерв. Можно предположить, что между присущим данному языку максимумом избыточности и его способностью изменяться, оставаясь собой, имеется определенная связь.

7.0. Динамическая модель и поэтический язык. Перечисленные выше антиномии характеризуют динамическое состояние семиотической системы, те имманентно-семиотические механизмы, которые позволяют ей, изменяясь в изменяющемся социальном контексте, сохранять гомостатичность, то есть оставаться собой. Однако нетрудно заметить, что те же антиномии присущи и п о э т и ч е с к о м у я з ы к у. Такое совпадение представляется не случайным. Языки, ориентированные на примарную коммуникативную функцию, могут работать в стабилизованном состоянии. Для того, чтобы они могли выполнять свою общественную роль, им нет необходимости иметь специальные "механизмы изменения". Иное дело языки, ориентированные на более сложные типы коммуникации. Здесь отсутствие механизма постоянного структурного обновления лишает язык той деавтоматизованной связи между передающим и принимающим, которая является важнейшим средством концентрации в одном сообщении все возрастающего числа чужих точек зрения. Чем интенсивнее язык ориентирован на сообщение о другом и других говорящих и на специфическую трансформацию ими уже имеющихся у "меня" сообщений (то есть на объемное восприятие мира), тем быстрее должно протекать его структурное обновление. Язык искусства является предельной реализацией этой тенденции.

7.1. Из сказанного можно сделать вывод о том, что большинство реальных семиотических систем располагаются в структурном спектре между статической и динамической моделями языка, приближаясь то к одному, то к другому полюсу. Если одна тенденция с наибольшей полнотой воплощается в искусственных языках простейшего вида, то другая получает предельную реализацию в языках искусства. Поэтому изучение художественных языков и, в частности, поэтического, перестает быть лишь узкой сферой функциональной лингвистики - оно лежит в основе моделирования динамических процессов языка как таковых.

Несколько лет тому назад акад. А.Н.Колмогоров показал, что на искусственном языке, лишенном синонимов, невозможна поэзия. Можно было бы высказать предположение о том, что невозможно существование семиотической системы типа естественного языка и сложнее, если на нем нет поэзии.

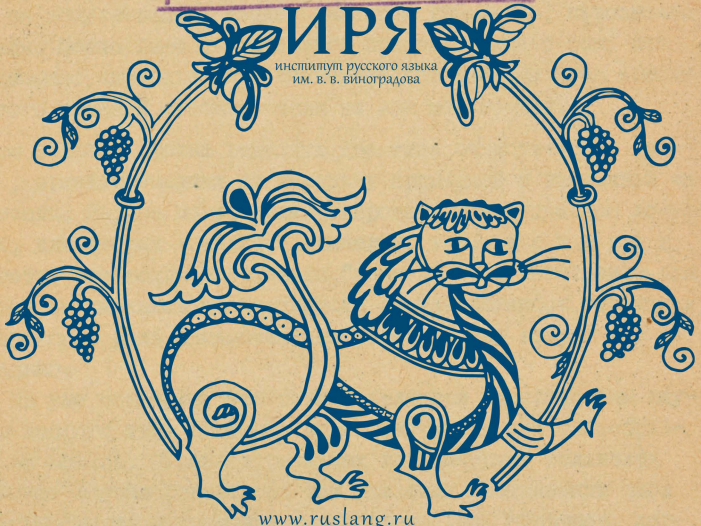
8.0. Таким образом, можно выделить два типа семиотических систем, ориентированных на передачу примарной и вторичной информации. Первые могут функционировать в статическом состоянии, для вторых - наличие динамики, т.е. и с т о р и и, является необходимым условием "работы". Соответственно для первых нет никакой необходимости во внесистемном окружении, выполняющем роль динамического резерва. Для вторых оно необходимо.

Мы уже отмечали, что поэзия является классическим случаем второго типа систем и может изучаться как своеобразная их модель. Однако в реальных исторических коллизиях возможны случаи ориентации тех или иных поэтических школ на примарность информации и наоборот. Так, например, когда мы наблюдаем в русской поэзии XVIII-XIX вв. рост значения внетекстовых связей (для понимания и восприятия стихотворения требуется выход за пределы его текста и отнесение его к личности автора, истории поэзии и проч., то есть к внесистемным, с этой точки зрения, моментам), то процесс этот можно интерпретировать как переориентацию стихотворных текстов с примарных на вторичные семиотические системы.

8.1. Противопоставляя два типа семиотических систем, следует избегать абсолютизации данной антитезы. Речь, скорее, должна идти о двух идеальных полюсах, находящихся в сложных отношениях взаимодействия. В структурном напряжении между этими полюсами развивается единое и сложное семиотическое целое – культура.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Ответственный за выпуск Гончар Л.А.

АI2047 от 3I.I0.74. I,5 п.л. I50 экз. Зак.1129

Тип. МГПИИЯ

Бесплатно

30к.